

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Мелякова Ю. В. Интерпретация истории как предмет герменевтики // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць молодих вчених. – Харків, 1998. – С. 128 – 131.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

Интерпретация истории как предмет герменевтики

В качестве предмета изучения исторической герменевтики выступает практика анализа истории. На правах «метода всех наук о духе», как рассматривал её Ф.Шлейермахер [3,с.46], герменевтика стремится к абсолютному познанию истории и единства мира посредством интеллектуального созерцания содержания текста. Таким образом, лингвистическая семантика и герменевтика имеют единый объект изучения - текст. Однако сферой приложения семантических изысканий являются единичные, конкретные языковые структуры, вычлененные из смыслового контекста, в то время как герменевтика силится охватить и расшифровать символизм всеобщего, взглянуть на текст как на ключ к решению проблемы «смещения горизонтов» [3,с.98].

В сущности, событие, стоящее за содержанием устной речи или текста, есть тот самый вожденный объект, зачастую именуемый истиной, могущий быть постигнут только посредством интерпретации, которая не зависимо от того, кем и как осуществляется, претендует на объективность. Ж.Делёз определил событие как «фантазм», который не является ни действием, ни страданием под чьим-либо действием, а результатом действий и страданий - чистым событием [4, с.102]. К.Ясперс называл историей «то внешнее, что происходит в пространстве и во времени в определённом месте» [10, с.230]. Следовательно, событие по своей сути исторично, потому как привязано к определённому времени и месту.

Не случайно, в XIX в. эволюция герменевтики шла по пути насыщения её проблемного поля историческим измерением, возникшем в основном благодаря вкладу В.Дильтея. Герменевтика, осмысленная как постижение историчности оказывается основой наук о духе, ибо исторический процесс мыслится как подлежащий расшифровке текст.

Однако определение «постигающей деятельности человеческого духа» дал герменевтике ещё Ф.Шлейермахер в сер. XIX в. [3,с.54], отводивший решающее значение в осуществлении акта понимания истории психологическому «вживанию», весьма близкому «интуитивному переживанию» В.Дильтея [5,с.92].

Именно на этой почве возникает, спустя некоторое время, концепция Х.-Г. Гадамера, ознаменовавшая своим появлением новый виток в развитии герменевтики. Х.-Г. Гадамер, в свою очередь, отказывается от попытки Ф.Шлейермахера и В.Дильтея поставить интерпретатора в историческую ситуацию автора текста [3,с.86]. По его мнению, совершенно необходимо осознание последним собственной исторической обусловленности, учёт (но не игнорирование) наличия предварительного понимания текста, так называемого предпонимания текста, обусловленного субъективным жизненным опытом и

различными «предрассудками».

Для осознания ложности отдельных предубеждений и умения избавиться от влияния их на понимание, Х.-Г. Гадамер видит необходимость в «диалоге» интерпретатора с изучаемым преданием, текстом, а следовательно, событием [3, с.312], чем стремится разрушить сложившуюся абстрактную противоположность между историей (в значении событие) и знанием о ней.

М.Хайдеггер, обращаясь к «способности суждения», подчёркивает при этом исключительную значимость языка, который «впервые даёт имя сущему», и благодаря такому именованию, «впервые низводит сущее в слово и явление» (9,с.225).

Так, структурализм и семиология предлагают свой семантический анализ текста как суммы языковых знаков и выражений, согласно которому «идеологический язык» выступает в качестве кодирующего, маскирующего смысл средства [1, с.83; 8, с.67].

Традиция структурализма, в частности в лице Р.Барта, отвергает способ постижения истории (в понимании фактов-смыслов) посредством отождествления её с современностью, выявляя очевидную губительность «мифа о двойничестве» [2,с.116].

Интерес к языковой системе проявляли в своей деятельности отнюдь не только классические лингвисты, структуралисты или герменевтики. Язык как интерпретирующее средство стал объектом рассмотрения, в том числе деконструктивизма. Однако выявленное Ж.Делёзом положение смысла, балансирующего на границе языка и сознания, оказалось весьма зыбким. Ж.Делёзом была обнаружена также опасность нонсенса, который «более не создаёт смысл, ибо он поглотил всё» [4,с.253].

То, что в литературоведении обычно называют «формой» структуралисты называли искусственным приёмом, привнесённым в произведение автором. Достичь же первичной структуры произведения можно лишь снимая покровы, которые образует форма, или стиль. Возможность освобождения от культурных стереотипов, находящихся в психике человека, видится им в применении так называемого автоматического письма. В то же время Анре Бретоном было установлено, что автоматизм психики, хотя и является эффективной формой самовыражения, тем не менее не имеет отношения к подлинному творчеству, и тем более далёк от здравого смысла [1,с.85].

Согласно негативистской концепции Т.Адорно, ближе к миметическому языку на который он возлагал надежды освобождения внутренней природы вещей, находится устная речь [7,с.150]. Это, в свою очередь, подтверждает ту самую европейскую философскую традицию относительно «голоса», которую критикует Ж.Деррида [8,с.73]. Именно в живом слове, пластичном, податливом, изменчивом, выражается миметическое, непосредственное, индивидуальное.

Принято считать, что произведение имеет такое же отношение к писателю,

как плод к дереву. Вне всякого сомнения, структуралисты всё ещё рассматривают произведение как плод, но дерево в их понимании - скорее уже социальная реальность, а не личность автора. Произведение расценивается как продукт коллективного подсознания. Следовательно, не писатель пишет своё произведение, а оно «пишется» через него. Создатель - медиум и выступает лишь в качестве посредника [1, с.89].

Современная функция литературы заключается в восстановлении действительности, окружающей писателя, и обнаружении культуры. Таким образом, совершенно очевидно подобие функций историка и литературного критика, в том числе определённое единство их задач и методов.

Так, исходя из богатства опыта исторической и философской герменевтики, актуальной представляется проблема внесения изменений в принципы истолкования истории. В этом случае велика вероятность разоблачения утопизма универсальных герменевтических методик, которые были разработаны в XVIII - н. XX вв. и которые пытались в прошлом наложить на историю. Внимание следует сосредоточить на ситуативности отбора этих методик при попытке интерпретации каждого конкретного исторического факта. Сохраняет свою актуальность лишь сама ситуация, т.е. жизненно-практический подход, развитый на базе герменевтики В.Дильтея: мышление истолкователя и постижение им истории на уровне явлений.

Необходимо отказаться от универсализации и систематизации разработанных до настоящего времени герменевтических проектов исторического познания. Вопрос состоит в том, как современный человек может пользоваться методами классической герменевтики, какие исторические тексты «жизненные» сегодня, и какие из существующих методик способны сделать их «жизненными»?

В отличие от гадамеровской, современная герменевтика не исходит из существования исторической закономерности фактов и преемственности исторической традиции. Рассматривая отношения прошлого и настоящего, ей удаётся выйти за их рамки - в постисторическое время, вычленив из истории образцы жизни, актуальные как для прошлого, так и для настоящего. Приставка пост- обгоняет собственную эпоху, вводя интерпретатора в так называемую «индексированную ситуацию» для усиления его рефлексии, поскольку судить о явлении можно только со стороны, находясь вне пределов его осуществления.

При этом постмодерн, представляющий герменевтический взгляд на историю «со стороны», полностью разрушает позиции линейности (прошлое – настоящее – будущее), на которых построено историческое время. Следовательно, сама категория историчности претерпевает качественные изменения. История теперь не имеет графика движения. Согласно постмодернистской рефлексии, интерпретатор должен находиться вне времени, а не в другом времени. В этом и состоит проблема, тот самый «конфликт» интерпретаций [6, с.56].

Проблема соотношения традиции и новации остаётся на сегодняшний день одной из важнейших в исторической герменевтике. Учитывая мнение П.Рикёра,

согласно которому «всякая традиция живёт благодаря интерпретации», а принадлежность прошлого и настоящего друг другу совсем не очевидна, и потому существует ещё одно, третье, глубинное время, делающее, в свою очередь, возможным взаимное пересечение первых двух времённостей [6,с.210], представляется возможным заключить, что именно специфика интерпретации определяет «жизненность» (или, можно сказать актуальность) истории, выводя историческое явление во «вневременную плоскость значимого» [10,с.203], в то самое «время самого смысла», «глубинное время», которое не знает ни прошлого, ни будущего, ни, вместе с тем, настоящего. То самое время, которое исключает, вытесняет, делает ненужным, а точнее, переосмысливает понятия «актуальности», «современности», наполняя их содержание контрастирующими, чуждыми, архаичными элементами. Тем самым разрешается основная трудность постижения истории, состоящая в преодолении времени.

Таким образом, сам смысл, интерпретируемый посредством знаковых систем текстов, сами события, факты, отдалённые от нас во времени, процесс, другими словами, сама история, непосредственно присутствует в нашей жизни, а по словам К.Ясперса, воспринимаются нами даже как нечто «не историческое» [10,с.204], формируя понятие «новая архаика».

Подобная игра «жизнеспособных» смыслов, оставляющая современную реальность с её парадоксами и нонсенсами в состоянии абсолютного недоумения, и представляет собой сферу постистории или вневременную позицию, в которой и должен находиться интерпретатор.

1. Балакян А. Структурализм и литературоведение // Контекст. - 1987
2. Барт Р. Избранные работы. - М., 1989.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М., 1988.
4. Делёз Ж. Логика смысла. - М., 1995.
5. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. - М., 1987.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. - М., 1995.
7. Соловьева Г. Негативная диалектика // Историко-философский ежегодник. - 1991.
8. Филиппов Л.И. Грамматология Ж.Деррида и литературный авангард // Французская философия сегодня. - М., 1989.
9. Хайдеггер М. Время и бытие. - М., 1993.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М. 1994.